

Е. А. Гончарова

Санкт-Петербургский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Л. М. Ньюбина

Смоленский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНО-РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В НЕМЕЦКО- ЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ «ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ»

«Литература путешествий» имеет богатую традицию существования в разных литературах. Общей чертой этой литературы в разных географических ареалах являются *антропоцентризм* и *эгоцентризм*. Понятия *эгоцентризм* и *антропоцентризм* сегодня прочно вошли в лингвистику. *Антропоцентризм* означает, что как в языке в целом, так и в его частных единицах происходит универсальная ориентированность на человека — создателя и потребителя языковой информации. Каждый вербальный текст является порождением человека и обладает свойством *антропоцентризма*, но не всякий текст содержит достаточное число композиционно-архитектонических примет (речевых элементов, акцентирующих субъективную точку зрения автора), которые позволили бы отнести его к речевым образованиям с *эгоцентрической* прагматикой. В литературной коммуникации *эгоцентризм* как фактор порождения и восприятия текста играет важную роль, так как художественное мышление и процесс его транспозиции в словесно-речевое произведение по своей сути *эгоцентричны* и *интроспективны*. Персонаж выступает в качестве объекта образно-художественного изображения и познания для автора (творческого субъекта, объективируемого конкретной знаковой реальностью текста) и объекта познания — читателя (субъекта-партнера, замыкающего процесс литературно-художественной коммуникации, или «соавтора» литературного текста). Персонаж является *медиумом* между автором и миром, который населен «другими», и между микрокосмами автора, принадлежащего к этому миру, и «другими». И автор, и читатель наделяют собственным смыслом черты и поступки живущего в выдуманном мире персонажа, который является тем самым персонифицированным репрезентантом разных человеческих личностей, в том числе и автора текста. В высказываниях, показывающих сугубо индивидуальное

отношение к миру их автора, сосредоточенного в момент речи на интересах (личных, профессиональных, политических и др.) и мироощущении своего «Я», *антропоцентризм* перерастает в *эгоцентризм*. Иными словами, *эгоцентризм* связан с *антропоцентризмом* логическим отношением «частное — общее». Эгоцентрические тексты и высказывания написаны триединым автором, который обозначен на обложке произведения, а также является объектом и субъектом повествования, т. е. автор един в трех лицах. Это выражается в употреблении местоимения «Я» или местоимения «мы», которое обозначает группу единомышленников, к которому относится и «Я». Другой особенностью литературы путешествий является оценка повествователя / рассказчика событий и участников этих событий, которая может быть нейтральной, а также и эмоциональной, преувеличенной, но главным образом она субъективна, так как происходит от эгоцентрического повествователя. Приведенные в статье примеры демонстрируют и такую характерную композиционно-речевую особенность «путевых заметок», как перекрестное использование в них повествования, описания и лирического, т. е. принадлежащего говорящему субъекту, рассуждения. При этом главенствующая роль среди названных принципов структурирования текста принадлежит композиционно-речевой форме «повествование», в которой в географической и внутренней личностной перспективе автора рассказывается «история» его путешествия. Композиционно-речевая форма «описание» в обеих ее разновидностях: динамической (изображение объектов в их изменении, движении и перемещении относительно друг друга) и статической (показ объектов в их качественном состоянии, стабильности и неизменяемости в некий промежуток времени), в значительной степени влияя на общую оценку и общий текстовый смысл, которые «вплетаются» в повествовательную канву текста. Эти функционально-смысловые типы речи, в свою очередь, часто прерываются и / или заканчиваются неким рассуждением либо размышлением автора, вызванным восприятием и наблюдением определенного объекта (объектов). Подобные рассуждения можно считать речевым сигналом переключения повествовательно-описательной функции повествователя на коммуникативно-прагматическую установку интерпретации / обобщения / комментирования изображаемого.

Ключевые слова: антропоцентризм; эгоцентризм; повествовательная перспектива; повествование; описание; рассуждение; оценка

1. «Литература путешествий» как научный объект литературоведения и лингвистики

Так называемая «литература путешествий» имеет богатую традицию существования в разных этнокультурах, отличаясь в них — при наличии ряда общих закономерностей композиционно-смыслового построения речевых произведений этого жанра — качественным своеобразием, степенью популярности в определенное историческое время, а также распространенности принадлежащих к ней видов текстов в литературной и / или в повседневной коммуникации.

Общим для подобных целостных текстовых высказываний является принцип структурно-речевого построения, семантика и прагматика которого подчинены введенной М. М. Бахтиным в филологический обиход категории хронотопа (времени-пространства). Выступая в качестве основы порождения и содержательно-смыслового развертывания текстовых структур в «литературе путешествий», этот принцип создает, во-первых, их пространственно-временной континуум, т. е. определенную связанную пространственно-временными отношениями последовательность фактов и событий, дискретные характеристики которых во взаимодействии создают представление и о движении, и о целостности текстового смысла (ГАЛЬПЕРИН 2005: 87). Во-вторых, благодаря этому принципу в текстовой структуре возникает «образ» или «языковая картина» мира в его пространственно-временных признаках, вокруг которых, однако, по остроумному замечанию Ю. М. Лотмана, «строятся и непространственные его характеристики» (ЛОТМАН 2018: 278), в том числе и образ автора-путешественника.

В то же время «литература путешествий» неоднородна по своему жанровому составу. Прежде всего, в нее входят тексты с литературным повествованием авторизованного речевого субъекта о его пространственных перемещениях и дорожных впечатлениях в виде «путевых заметок», «путевого очерка», «путевых зарисовок», «путевого дневника» (нем. Reisebericht, Reisebilder, Reisetagebuch) или становящегося все более популярным «травелога» (англ. Travelogue от travel 'путешествие' и monologue 'монолог').

В том случае, когда писатель «передоверяет» топонимическое повествование создаваемым им (фикциональным) образам нарратора и / или персонажа, формируя вокруг них определенную сюжетную композицию, возникают литературно-художественный «рассказ о путешествии» (*Reiseerzählung*); «путевая новелла» (*Reisenovelle*); «письмо о путешествии» (*Reisebriefe*); «роман путешествия» (*Reiseroman*), входящий, в свою очередь, в разряд «романов воспитания», или «романов развития (души)» (*Erziehungs-, Entwicklungsroman*) (ЛОШАКОВА & РТИЩЕВА 2021: 106 и др.).

Особняком внутри значительного массива «литературы путешествий» стоят так называемые «путеводители» (нем. *Reise-, Fremdenführer*) — утилитарные географические тексты справочно-ознакомительного характера, служащие целям лучшего ориентирования реципиента в незнакомом месте, как правило, отличающемся наличием достопримечательностей. Их появление как особого типа книжного издания обычно связывают с именем просветителя К. Бедекера, который в первой половине XIX в. основал в городе Кобленце специальное издательство путеводителей по разным странам и городам. Его имя стало нарицательным для образцовых изданий путеводителей во всей Европе.

Для литературоведов и лингвистов, занимающихся изучением «литературы путешествий», на первый план выходят разные аспекты этого вида речевых произведений. В литературоведении, где подобные тексты относятся исследователями и к литературным автобиографиям (дневникам, мемуарам), и к художественным повествованиям, и к художественной публицистике, они рассматриваются прежде всего в аспекте их жанровой делимитации и образно-поэтического толкования.

При этом отдельно изучаются произведения, написанные, как уже отмечалось, во время реального путешествия самого писателя (*Путешествие из Петербурга в Москву* А. Н. Радищева, *Письма русского путешественника* Н. М. Карамзина, *Fregat «Паллада»* И. А. Гончарова в русской литературе; *Italienische Reise, Zweiter Römischer Aufenthalt* И. В. Гете, *Harzreise, Englische Fragmente, Reise von München nach Genua* Г. Гейне, *Reise um die Welt* А. Шамиссо, *Begegnungen mit Menschen, Büchern und Städten* С. Цвейга, *Irishes Tagebuch* Г. Белля и др. в немецкой литературе). Такие тексты

представляют собой в плане содержания и формы не только топонимически организованный литературный нарратив о каком-то фрагменте реального мира, но и эгоцентрическое повествование об определенных биографических эпизодах, дающее представление о личности создавшего его автора.

В произведениях с художественно-поэтическим изображением вымышленных путешествий либо нарраторов, либо выдуманных персонажей (знаменитые беллетризованные истории путешествий Ж. Верна во французской литературе; романы *Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden* И. В. Гете, *Dr. Katzenbergers Badereise* Ж. Поля и др. в немецкой литературе) с литературоведческих позиций обычно изучаются сюжетные события и повествовательные мотивы, а также словесные образы (в том числе топонимического и антропонимического характера), создающие в совокупности поэтический хронотоп, кумулятивный «образ автора» и общий текстовый смысл произведения.

В лингвистике при анализе «литературы путешествий» на передний план выдвигаются вопросы, связанные со структурно-семантическими и лингвопрагматическими особенностями этого вида речевых произведений, которые, будучи нарративным дискурсом, образуют внутри него — с опорой на конкретные типы текстов — автономный «субдискурс». Как говорит Бринкер:

„Der Text in Dynamik“ ist das Objekt der Diskurslinguistik. Aber gerade „der gewordene Text als formal-semantische Struktur“ bildet den Kern des Diskurses, weil er ein materielles — in Raum und Zeit existierendes Objekt (ein Artefakt) ist und als solches reproduziert werden kann. (BRINKER 2005: 37). — «Текст в динамике» является объектом дискурсивной лингвистики. Но именно «образованный текст как формально-семантическая структура» образует центр дискурса, так как он является материальным, существующим в пространстве и времени объектом (артефактом) и как таковой может быть воспроизведен.

Вследствие этого возрастает исследовательский приоритет проблем выявления, систематизации и научно-практической интерпретации коммуникативно-прагматических установок и ментально-речевых действий языковых личностей авторов подобных текстов, характерных для названного нарративного субдискурса и отличных от таковых в иных видах дискурса, что предопределяет

логику и методику научной интерпретации «литературы путешествий» на немецком языке, предложенной в статье.

2. Эгоцентризм как содержательно-формальная основа автобиографической «литературы путешествий»

Выбор в качестве объекта лингвостилистических наблюдений автобиографической литературы путешествий таких известных немецких писателей как Гете, Гейне, Шамиссо, Белль объясняет необходимость вовлечения в анализ понятия «эгоцентризм». Данное понятие может рассматриваться как содержательно-формальная основа «беллетризованных путевых заметок» с прагматической точки зрения говорящего субъекта. Эгоцентризм представляет собой верхний (субъективный) полюс выражения в речи позиции субъекта, связанной с прямой экспликацией его «ментальных состояний, “внутреннего мира” (который, как известно, во многом определяется о-со-знанием и о-смысл-ением происходящего)» (РЯБЦЕВА 2004: 452). Особая роль эгоцентрической субъектной позиции для порождения и понимания любого текста заключается в том, что от нее зависит и ею формируется иллокутивная сила и отдельного высказывания, и цельного текста, его коммуникативного задания, прагматический смысл, а также «оформляющая и завершающая» их содержание модальная рамка (*ibid.*). В формальном плане эгоцентрическая позиция субъекта опирается в текстовой структуре на совокупности его эксплицитных (прямых и косвенных) обозначений посредством эгоцентрических речевых единиц, т. е. «слов и выражений, которые ориентированы на «Эго» и на «Я» говорящего» (СТЕПАНОВ 2010: 224).

К эгоцентрическим языковым единицам лингвисты относят разные падежные формы личного местоимения «я» (*ich*) и его семантические корреляты (*wir*, *man*), прагматически и лексико-грамматически связанные с речевыми сигналами пространственной локализации «здесь» и временной позиции «сейчас», действительных «на протяжении всей речи говорящего, как бы долго она ни длилась» (*ibid.*: 225). Посредством подобных эгоцентрических элементов, рассредоточенных по текстовому целому в функции его коммуникативно-прагматических и композиционно-структурных «скреп», в писательских «путевых замет-

ках» совокупно обозначается нарративная точка зрения автора и субъективированная перспектива литературного изображения. В границах этой перспективы повествуется о нахождении (и перемещениях) говорящего субъекта в каком-то определенном пространстве, разные стороны которого — видимые, наблюдаемые или внутренне переживаемые — он описывает, будучи в момент речи отдаленным от события более или менее длительным временным интервалом. Тем самым в ментально-речевой структуре эгоцентрического субъекта «литературы путешествий» происходит расслоение его «эго» на «Я сейчас» и «Я тогда», объединенных «эмпатическим континуумом», который существует благодаря (мнемонической) способности первого представить свои действия и чувства в прошлом (WEINRICH 2001; ГОНЧАРОВА & НЮБИНА 2016 и др.). Приведем примеры.

- (1) *Ich ging mit Tischbein nach dem Petersplatze, wo wir erst auf und ab gehend und, wenn es uns zu warm wurde, im Schatten des großen Obelisks, der eben für zwei breit genug geworfen wird, spazierten und Trauben verzehrten, die wir in der Nähe gekauft hatten. Dann gingen wir in die Sixtinische Kapelle, die wir auch hell und heiter, die Gemälde wohlerleuchtet fanden. Das „Jüngste Gericht“ und die mannigfaltigen Gemälde der Decke, von Michelangelo, teilten unsere Bewunderung. Ich konnte nur sehen und anstaunen. Die innere Sicherheit und Männlichkeit des Meisters, seine Großheit geht über allen Ausdruck (Goethe. Rom, den 22. November 1786, am Cäcilienfeste).¹*
- (2) An Swifts Grab hatte *ich* mir das Herz erkältet, so sauber war St. Patrick's Cathedral, so menschenleer und so voll patriotischer Marmorfiguren, so tief unter dem kalten Gestein schien der desparate Dean zu liegen, neben ihm Stella; zwei quadratische Messingplatten, blank geputzt wie von deutscher Hausfrauenhand: die größere für Swift, die kleinere für Stella; Disteln hätte *ich* haben mögen, hart, groß, langstielig, ein Paar Kleeblätter, und noch ein Paar dornenlose, milde Blüten, Jasmin vielleicht oder Geißblatt: das wäre der rechte Gruß für die beiden gewesen, aber *meine Hände* waren so leer wie die Kirche, so kalt und so sauber (H. Böll. *Irisches Tagebuch*, S. 24).

В обоих отрывках рассказывается о впечатлениях авторов — Гете и Белля — от их посещения памятных мест: Сикстинской ка-

---

¹ <https://www.gutenberg.org>.

пеллы в Риме со знаменитой картиной Микеланджело «Страшный суд» и могилы Дж. Свифта в Соборе святого Патрика в Ирландии. Как видим, структурно-семантическим ядром текстовой структуры фрагментов является эгоцентрическая номинация автора — неоднократно повторяемое местоимение *ich*, вокруг которого как грамматического подлежащего и субъекта литературного изображения группируются глаголы и глагольные словосочетания с семантикой движения (*gehen, spazieren*), визуального восприятия (*sehen, anstaunen, wohlerleuchtet finden*), речемыслительного и эмоционального действия (*über allen Ausdruck gehen, sich das Herz erkälten, mögen*).

Приведенные фрагменты убедительно демонстрируют и такую характерную композиционно-речевую особенность «путевых заметок» как перекрестное использование в них повествования, описания и принадлежащего автору-путешественнику рассуждения, которое может иметь характер либо пояснения / толкования, комментария по поводу определенных сторон рассматриваемого объекта наблюдения или лирического отступления, связанного с его воспоминаниями, ассоциациями, личными переживаниями, вызванными предметом наблюдения. При этом цементирующая текстовую композицию роль среди названных принципов структурирования текста принадлежит композиционно-речевой форме «повествование», в которой в географической и внутренней личностной перспективе автора рассказывается «история» его путешествия. Композиционно-речевая форма «описание» в обеих ее разновидностях — динамической (изображение объектов в их изменении, движении и перемещении относительно друг друга) и статической (показ объектов в их качественном состоянии, стабильности и неизменяемости в некий промежуток времени), — в значительной степени влияя на общий текстовый смысл, «вплетается» в повествовательную канву текста.

Названный функционально-смысловой тип речи, в свою очередь, часто прерывается и / или заканчивается неким рассуждением либо размышлением автора, вызванным восприятием и наблюдением определенного объекта (объектов). Подобные рассуждения можно считать речевым сигналом переключения повествовательно-описательной функции нарратора на коммуника-

тивно-прагматическую установку интерпретации / обобщения / комментирования изображаемого, всегда сопровождаемые оценкой описываемого объекта (объектов) со стороны повествователя / рассказчика, которая представляет собой «непосредственную или опосредованную реакцию говорящего (субъекта) на воображаемые или воспринимаемые органами чувств действия, объекты и признаки объектов внешнего и внутреннего мира» (ЩИРОВА 2013: 62).

Российская исследовательница оценки Е. М. Вольф отмечала, что в оценке обычно сочетаются субъективный и объективный факторы. Первый подразумевает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к объекту (реализуется в глаголах «нравиться / не нравиться», «одобрять / не одобрять»), тогда как второй (дескриптивный, признаковый) фактор оценки обусловлен собственными свойствами предметов или явлений, на основании которых выносится оценка» (ВОЛЬФ 1985: 24-33).

Н. Д. Арутюнова, также занимавшаяся изучением логико-философской и лингвистической природы разных видов оценки, говорит в подобных случаях о «гедонистической, или сенсорной, оценке», которая проистекает из ощущений и может быть дифференцирована в зависимости от способа восприятия объекта (визуального, слухового, вкусового и т. д.), с одной стороны, и о «рациональной оценке», если имеются в виду интенциональные объекты, когда она опирается на принципы нормативности, утилитарности, причинно-следственные отношения и т. п., — с другой (АРУТЮНОВА 1999: 528).

Описательные фрагменты нарративного дискурса «литературы путешествий» изобилуют разными видами оценки, с помощью которых в текстовой структуре формируются авторская «картина мира» (изображение объектов предметной и антропимической среды, встречающихся на пути автора-путешественника) и «картина жизни» (изображение самого процесса / хода путешествия), которые, по замечанию Арутюновой, написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй — временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой (ibid.: 537).

Оценочные высказывания нарратора выступают в текстах путевых зарисовок в функции языковых сигналов ретардации повествования. Они приостанавливают на короткое время рассказ о пространственных перемещениях автора-повествователя и помогают ему наиболее аутентично и полно отразить разные (пространственные, количественные, качественные и др.) аспекты изображаемых событий, явлений и предметов, с тем чтобы создать их объемные образы и сделать читателя со-причастным и «со-переживающим» соучастником путешествия.

Эти оценки могут быть и чисто дескриптивными (чувственно нейтральными), и эмоциональными, и даже преувеличенными, но они всегда имманентно субъективны, так как исходят от эгоцентрического «Я» повествователя. Оценочная позиция говорящего, среди прочего, выражается и в том, на каких наблюдаемых объектах и, далее, каких сторонах и свойствах этих объектов он сосредоточивает свое внимание и придает им характер текстовых «прагматических фокусов» с разной степенью детализации. Подобное коммуникативно-прагматическое речевое действие эгоцентрического повествовательного субъекта может быть обозначено как *селективность*, так как подразумевает выбор им определенного объекта описания / рассуждения и одной или нескольких его деталей из ряда других. Сами детали при этом могут быть однокуррентными (соотнесенными с одним референтом) или поликуррентными (два и более референтов) (ЩИРОВА & ГОНЧАРОВА 2018: 151-154).

Белль в повествовании о своем ирландском путешествии посвящает целые главы описанию разных наблюдений об особенностях быта, традиций и национального характера ирландцев (например, *Betrachtungen über den irischen Regen, Die schönsten Füße der Welt, Ambulanter politischer Zahnarzt, Kleiner Beitrag zur abendländischen Mythologie*), выделяя в них детали, необычные для немца и вызывающие в его воображении целые ряды ассоциативных сопоставлений с привычными фактами и образами. При этом автор-повествователь идентифицирует себя с соотечественниками в личной местоименной форме *wir / uns*, а субъективность приводимых сравнений подчеркивает с помощью вводного эгоцентрического модального высказывания *so scheint*

mir, которое не делает менее значимыми его весьма точные и психологически тонкие рассуждения о невозмутимости и оптимизме, свойственных ирландцам:

Passiert einem in Deutschland etwas, versäumt man den Zug, bricht man ein Bein, macht man Pleite, so sagen wir: Schlimmer hätte es nicht kommen können; immer ist das, was passiert, gleich das Schlimmste — bei den Iren ist es fast umgekehrt: bricht man hier ein Bein, versäumt man den Zug, macht man Pleite, so sagen sie: *It could be worse* — es könnte schlimmer sein: man hätte statt des Beines den Hals brechen, statt des Zuges den Himmel versäumen und statt Pleite zu machen, hätte man seinen Seelenfrieden verlieren können, wozu bei einer Pleite durchaus kein Anlaß ist. Was passiert, ist nie das Schlimmste, sondern das Schlimmere ist nie passiert. <...> Bei uns — so scheint mir — versagen, wenn etwas passiert, Humor und Phantasie, in Irland werden sie gerade dann in Bewegung gesetzt. <...> Hier ist der Phantasie keine Grenze gesetzt. *It could be worse* ist eine der am meisten gebrauchten Redensarten wohl deshalb, weil es oft genug recht schlimm kommt und das Schlimmere dem Trost die Relation bietet. (H. Böll. *Irisches Tagebuch*, S. 127-128).

Отмеченная закономерность композиционно-смыслового развертывания текста по принципу переплетения главенствующего повествования с разнообразными по семантике и прагматике фрагментами статико-динамического описания и нейтрально-объективного и / или эмоционально-оценочного рассуждения обуславливает принадлежность «путевых заметок» к нарративному дискурсу и свидетельствует о том, что в комплексной коммуникативно-творческой стратегии их создателей нарративная интенция не противопоставляется «deskриптиву, направленному на идентификацию объекта (объектов) вербальной (или невербальной) коммуникации, и ментативу как текстообразующей стратегии обобщения и опыта» (АНДРЕЕВА 2019: 43), а органически сочетается с ними.

Повествование развивается в текстовой структуре с помощью обозначений темпоральных (am nächsten Tag, Morgen; nach mehreren Tagen; dann, später, nachher и др.) и локальных (названий стран, городов, населенных пунктов, конкретных достопримечательностей) параметров путешествия и местонахождения автора, глаголов и глагольных словосочетаний в значе-

нии действия и движения. Названные текстовые элементы объединяют все передвижения речемыслительного субъекта в единое сюжетное событие, суть которого связана с путешествием, ограниченным определенными временными и пространственными границами. При этом каждое конкретное местонахождение говорящего субъекта, протяженное в некоем временном интервале, может рассматриваться как отдельная событийно-повествовательная ситуация нарративного дискурса, а их совокупность — как сюжетно-композиционная основа всего текста или его событийность.

*Am 27. steuerten wir auf das Land zu, das uns im heitersten Sonnenschein erschien, sowie wir in seiner Nähe aus der Nebeldecke des Meeres her austreten. Zwei Boote wurden zu einer Landung ausgerüstet. Indem wir nach dem Ufer ruderten, begegneten wir einer Baidare mit zehn Eingebornen. Wir verkehrten mit ihnen, nicht ohne wechselseitig auf unserer Hut zu sein. „Tabak! Tabak!“ war ihr lautes Begehren. Sie erhielten von uns das köstliche Kraut, folgten unsern Booten freundlich, fröhlich, vorsichtig und leisteten uns beim Landen in der Nähe ihrer Zelte hilfreiche Hand. Die hier am Strande aufgerichteten Zelte von Robben- und Walrosshäuten schienen Sommerwohnungen zu sein und die festen Wohnsitze der Menschen hinter dem Vorgebirge im Westen zu liegen. Von daher kam auch eine zweite Baidare herbei. Unser verständiger Aleut, der eine längere Zeit auf der amerikanischen Halbinsel Alaska zugebracht, fand die hiesige Völkerschaft den Sitten und der Sprache nach mit der dortigen verwandt und diente zu einem halben Dolmetscher (A. Chamisso. *Reise um die Welt*).²*

Приведенный фрагмент протяженного абзаца с повествовательно-описательным содержанием из путевого дневника Шамиссо *Кругосветное путешествие* демонстрирует названные выше композиционно-речевые особенности рассматриваемого вида текстов: он начинается с точного указания даты «событийной ситуации», а также места нахождения автора и его спутников, содержит целый ряд глаголов передвижения в пространстве, которые эксплицируют пространственно-временные и событийные параметры рассказываемой части путешествия. Затем происходит замедление повествования за счет включения в текст дина-

---

² <https://www.gutenberg.org>.

мического описания встречи с туземцами, изобилующего эмоционально-оценочной лексикой (*ihr lautes Begehren; das köstliche Kraut; freundlich, fröhlich, vorsichtig; die hülfreiche Hand*).

Продолжается абзац рассказом о находке нарратором черепа аборигена для антропологической коллекции и заканчивается оценочным рассуждением на тему о том, как важны подобные географические находки для истории мировых человеческих рас.

Ich fand auf der Höhe der Insel unter dem zertrümmerten Gesteine, das den Boden ausmacht, einen Menschenschädel, den ich, unter meinen Pflanzen sorgfältig verborgen, mitnahm. <...> Nur unter kriegerischen Völkern, die, wie die Nukahiwer, Menschenschädel ihren Siegestrophäen beizählen, können solche ein Gegenstand des Handels sein. Die mehrsten Menschen, wie auch unsere Nordländer, bestatten ihre Toten und halten die Gräber heilig. Der Reisende und Sammler kann nur durch einen seltenen glücklichen Zufall zu dem Besitze von Schädeln gelangen, die für die Geschichte der Menschenrassen von der höchsten Wichtigkeit sind (A. Chamisso. *Reise um die Welt*).³

Весь же ход экспедиции (как фрагмент «картины жизни») Шамиссо прослеживает в названиях глав своего дневника путешествия, которые наполнены топонимами, показывающими точный путь экспедиции.

1. Vorfreude. Reise über Hamburg nach Kopenhagen.
2. Der „Rurik“. Abfahrt von Kopenhagen. Plymouth.
3. Reise von Plymouth nach Teneriffa.
4. Reise von Teneriffa nach Brasilien. Santa Catharina
5. Der „Rurik“. Abfahrt von Kopenhagen. Plymouth.

3. Актуализация коммуникативно-речевых компетенций дискурсивной языковой личности автора в текстах «литературы путешествий»

Использование тех или иных комбинаций и переплетений разных функционально-смысловых типов речи в ментально-речевых действиях авторов свидетельствует, среди прочего, и о тех текстовых и стилевых компетенциях, которыми они владеют. В числе этих компетенций на первом месте стоит так называемая «компетенция формулирования» (нем. *Formulierungs-*

---

³ <https://www.gutenberg.org>.

kompetenz), предполагающая «знание того, какую целесообразную языковую форму нужно придать передаваемому содержанию» («Kenntnisse darüber, wie man Sachverhalten eine angemessene sprachliche Form geben kann») (HOFFMANN 2017: 14).

Учитывая то обстоятельство, что анализируемая в настоящей статье «литература путешествий» принадлежит профессиональным писателям, следует отметить высокую степень владения компетенцией формулирования со стороны языковой личности автора текста. Это выражается особенно в том, каким образом писатель, во-первых, передает меняющиеся во время путешествия визуальные впечатления, а, во-вторых, как он связывает визуальные образы, с одной стороны, с пространственно-временным и культурно-историческим контекстом, а с другой — с собственным эмоционально-чувственным эгоцентрическим состоянием.

Включая в свое понятийное содержание аспект придания передаваемому содержанию *целесообразности* текстового выражения, компетенция формулирования отражает представление данной языковой личности о выборе когнитивно-коммуникативных действий, соответствующих условиям и требованиям речевой ситуации, в которой эта личность находится (нем. Art der Handlungsdurchführung, Handlungsmuster) (SANDIG 2006: 9, 147-150). В случае «литературы путешествий» ментально-речевые шаги автора подчинены задаче наглядно-чувственного воплощения в структуре текста связанных пространственно-временными отношениями представлений и субъективных впечатлений. Это подчеркивает уже отмеченную выше общую значимость для рассматриваемого типа текстов композиционно-речевой формы «(статичное и динамичное) описание», а внутри нее такой ментально-речевой операции как «сгущение», или «уплотнение» (нем. Verdichten) (ibid.: 157-164), посредством которой на относительно небольшом отрезке текста адресату посылается достаточно объемная и многослойной информация об объекте литературного изображения.

Так, например, в начальных абзацах *Кругосветного путешествия* Шамиссо эгоцентрический рассказчик приводит подробное описание команды корабля «Рюрик», с именами, характеристикой внешности, перечислениями отличительных личностных

черт, интересов, основных обязанностей отдельных ее членов. Все описания содержат при этом точные профессиональные и психологические оценочные детали, свидетельствующие о наблюдательности эгоцентрического нарратора.

Der *Kapitän* Otto Astawitsch von Kotzebue. *Erster Leutnant* Gleb Simonowitsch Schischmarew, ein *Freund des Kapitäns*, älterer Offizier als er, nur Russisch redend; ein heiter strahlendes Vollmondgesicht, in das man gern schaut; eine kräftige, gesunde Natur; einer, der das Lachen nicht verlernt hat. — *Zweiter Leutnant* Iwan Jakowlewitsch Sacharin, kränklich, reizbar, jedoch gutmütig, versteht etwas Französisch und Italienisch. — *Der Schiffsarzt, Naturforscher und Entomologe* Iwan Iwanowitsch Eschscholtz, ein junger Doktor aus Dorpat, fast zurückhaltend, aber treu und edel wie Gold. Der Naturforscher, ich selbst, Adelbert Loginowitsch. — Der Maler Login Andreewitsch Choris, der Herkunft nach ein Deutscher, der, jetzt noch sehr jung, bereits als Zeichner Marschall von Bieberstein auf einer Reise nach dem Kaukasus begleitet hatte. — Freiwilliger Naturforscher Martin Petrowitsch Wormskiold. — *Drei Untersteuerleute*: Chramtschenko, ein sehr gutmütiger, fleißiger Jüngling; Petrow, ein kleiner, launig-lustiger Bursche; der dritte, Koniew, uns fernerstehend. — *Zwei Unteroffiziere* und zwanzig Matrosen. Die Seeleute, unter denen, die sich freiwillig zu dieser Expedition gemeldet haben, ausgesucht, sind ein hochachtbares Volk; handfeste Leute, der strengsten Mannszucht unbedingt unterwürfig, sonst von tüchtiger, ehrgeiziger Gesinnung, stolz auf ihren Beruf als Weltumsegler. (A. Chamisso. *Reise um die Welt*).⁴

Нижеследующий отрывок из второй главы *Английских фрагментов* Гейне, целиком посвященной Лондону, демонстрирует исключительную значимость названного ментально-речевого действия в путевых заметках поэта.

Ich habe *das Merkwürdigste* gesehen, was die Welt dem staunenden Geiste zeigen kann, ich habe es gesehen und staune noch immer – noch immer starrt in meinem Gedächtnisse *dieser steinerne Wald von Häusern* und dazwischen *der drängende Strom lebendiger Menschengesichter mit all ihren bunten Leidenschaften, mit all ihrer grauenhaften Hast der Liebe, des Hungers und des Hasses* — ich spreche von London.

Schickt einen Philosophen nach London, beileibe keinen Poeten! Schickt einen Philosophen hin und stellt ihn an eine Ecke von Che-

---

⁴ <https://www.gutenberg.org>.

apside, er wird hier *mehr lernen als aus allen Büchern der letzten Leipziger Messe*; <...> er wird den *Pulsschlag der Welt* hörbar vernehmen und sichtbar sehen — denn wenn *London die rechte Hand der Welt ist, die tätige, mächtige rechte Hand*, so ist *jene Straße*, die von der Börse nach Downingstreet führt, als die *Pulsader der Welt* zu betrachten.

Aber schickt keinen Poeten nach London! Dieser harte Ernst aller Dinge, diese kolossale Einförmigkeit, diese maschinenhafte Bewegung, diese Verdrießlichkeit der Freude selbst, *dieses übertriebene London erdrückt die Phantasie und zerreißt das Herz* (Н. Heine. *Englische Fragmente*: S. 83).

Гейне описывает в речевой технике коллажа, собранного из многочисленных «сгущенных» метафорических и метонимических образов, контрастные живописные картинки английской столицы, неизгладимые в памяти его «изумленного духа»: и «каменный лес домов», и лица людей, отмеченных печатью высоких и низменных страстей, которые позволяют путешественнику-философу узнать об этом городе гораздо больше, чем из всех книг последней Лейпцигской ярмарки, и почувствовать биение его живого мощного пульса, а у поэта-путешественника (каковым Гейне себя считает) подавят «всю его фантазию и разорвут сердце».

4. Заключение

Проведенный анализ текстов «литературы путешествий» показал, что путевые заметки, написанные известными немецкими писателями XIX—XX вв., демонстрируют актуализацию в них ряда когнитивных и коммуникативно-прагматических действий языковой личности автора, свидетельствующих об особенностях ментально-речевой деятельности создателей текстовых высказываний названного типа. Эти особенности обусловлены, с одной стороны, бытийной ситуацией пространственно-временного перемещения автора текста, а с другой — требованиями жанра, в соответствии с которыми автор создает свое литературное произведение. Тексты авторской «литературы путешествий» содержат самые разнообразные словесно-речевые формы, рождающие в совокупности в рамках текстовой структуры эгоцентрический «модус формулирования», который является сигналом жанрово предопределенного, с одной стороны, и индивидуально варьируемого в этих рамках, с другой — способа языкового выражения определенного содержания, композици-

онно организуемого темой «история путешествия» и свидетельствующего о характере текстовых и стилевых компетенций эгоцентрического ментально-речевого субъекта. Первое место среди этих компетенций занимает «компетенция формулирования», предполагающая знание того, какую целесообразную языковую форму нужно придать передаваемому содержанию в избранном жанре высказывания. Жанрово-тематические особенности рассматриваемых пространственных перемещениях литературных текстов предопределяют использование в нарративном дискурсе перекрестных комбинаций композиционно-речевых форм событийного сообщения, динамического и статического описания с мнениями и оценочными рассуждениями, которые рождают авторскую «картину мира» и «картину жизни».

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов. Казань: Бук, 2019. [Andreyeva, Valeriya A. (2019) *Literaturnyyu narrativ: zona formirovaniya smyslov* (Literary Narrative: a Zone of Meaning Formation). Kazan': Buk. (In Russian)].
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. [Volf, Yelena M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* (The Functional Semantics of Evaluation). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2005. [Gal'perin, Ilya R. (2005) *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research). (In Russian)].
- Гончарова Е. А. Стиль как параметр интерпретации текста и дискурса // Язык и текст в антропометрической науке / под ред. И. А. Щировой. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2018. [Goncharova, Evgeniya A. (2018) *Stil' kak parametr interpretatsii teksta i diskursa* (Style as a Parameter of Text and Discourse Interpretation). In: Shchirova, Irina A. (ed.) *Yazyk i tekst v antropomernoy nauke* (Language and Text in Anthropometric Science). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 93—123.
- Гончарова Е. А., Ньюбина Л. М. (2016) Я — ТЕКСТ — МИР. СПб: Политехника-сервис, 2016. [Goncharova, Evgeniya A. & Nyubina, Larisa

- М. (2016). *Ya — Tekst — Mir* (Me — Text — World). Saint Petersburg: Politekhniko-servis. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018. [Lotman, Yuriy M. (2018) *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* (The Structure of a Fiction Text. An Analysis of a Poetic Text). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)].
- Лошакова Г. А., Ртищева О. А. Путешествие как способ духовного и физического становления в немецкоязычной литературе для юношества первой половины XIX века // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6 (1). С. 104—116. [Loshakova, Galina A. & Rtishcheva, Olga A. (2021) *Puteshestviye kak sposob dukhovnogo i fizicheskogo stanovleniya v nemetskoazychnoy literature dlya yunoshstva pervoy poloviny XIX veka* (Travelling as a Way of Spiritual and Physical Formation in German-language Literature for Youth of the First Half of the 19th Century). *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* (Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies), vol. 6, (1), 104—116. (In Russian)].
- Рябцева Н. К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М: Языки славянской культуры, 2004. С. 451—458. [Ryabteva, Nadezhda K. (2004) *Subyektnye komponenty rechi (k postanovke problemy)* (Subjective Components of Speech (to the Statement of the Problem). In: Апресян, Yuriy D. (ed.) *Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura* (Hidden Meanings. Word. Text. Culture). Moscow: LRC Publishers, 451—458). (In Russian)].
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. [Stepanov, Yuriy S. (2010) *V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* (In the Three-dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Щирова И. А. Текст сквозь призму сложного. СПб: Политехника-сервис, 2013. [Shchirova, Irina A. (2013) *Tekst skvoz' prizmu slozhnogo* (Text Through the Prism of the Complex). Saint Petersburg: Politekhniko-servis. (In Russian)].
- Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т

- им. А. И. Герцена, 2018. [Shchirova, Irina A. & Goncharova, Evgeniya A. (2018) *Mnogomernost' teksta: ponimaniye i interpretatsiya* (Multidimensionality of Text: Understanding and Interpretation). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Brinker, Klaus. (2005) *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt.
- Heringer, Hans Jürgen. (2011) *Texte analysieren und verstehen. Eine linguistische Einführung*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.
- Hoffmann, Michael. (2017) *Stil und Text. Eine Einführung*. Tübingen: Narr Verlag.
- Sandig, Barbara. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Weinrich, Harald. (2001) *Tempus. Besprochene und erzählte Welt*. München: G. H. Beck.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Böll, Heinrich. (2008) *Irisches Tagebuch*. Köln: Verlag Kiepenheuer Witsch.
- Heine, Heinrich. (1978) Englische Fragmente. In: *Heines Werke*. In 5 Bdn. 3. Band. Berlin: Verlag Berlin und Weimar.

Evgeniya A. Goncharova
Herzen Russian State Pedagogical University

Larisa M. Nyubina
Smolensk State University

Peculiarities of Mental-speech Actions of the Author's Discursive Personality in German-language Texts of "Travel Literature"

"Literature of travel" has a rich tradition in different literatures. The common features of this literature in different geographical areas are manifested by *anthropocentrism* and *egocentrism*. The notions of *egocentrism* and *anthropocentrism* have firmly established themselves in linguistics. *Anthropocentrism* testifies to the universal orientation on man as the creator and user of language information — both in the language on the whole, and in its particular units. Each verbal text is a human creation and possesses the feature of *anthropocentrism*, but not each text contains a sufficient number of compositional (architectonic) traits (i. e. speech elements accentuating the subjective viewpoint of the author), which allow for its identification as a speech unit with an *egocentric* pragmatics. Meanwhile, *egocentrism* as a factor of text generation and comprehension plays an important part in liter-

ary communication, because artistic thinking and the process of its transposition into a verbal and speech creation are, in their essence, *egocentric* and introspective. The literary character manifests itself both as the object of imaginary and artistic description — for the author (a creative subject made objective by the concrete sign reality of the text) and the object of cognition — for the reader (the subject partner, the author, concluding the process of literary-artistic communication, namely the “co-author” of the literary text). The character is a medium between the author and the world inhabited by “the others” as well as between the microcosms of the author who belongs to this world, and “the others”. Both the author and the reader convey their own sense to features and doings of the character who lives in a functional world created by the fantasy of the author and the reader and thus serves as a personified representant of various human personalities embracing the author of the text. In utterances, demonstrating an exclusively individual world outlook of the author who at the moment of speech is being concentrated on the interests (personal, professional, political, etc.) and awareness of his own “Me”, *anthropocentrism* turns into *egocentrism*. In other words, *egocentrism* is linked to *anthropocentrism* by the logical relation of “the particular — the common”. Egocentric texts and utterances are written by the triune author — the one whose name we read on the book’s cover, and also by the object and the subject of the narration, i. e. the author is “one in three persons”. This is expressed in the usage of the pronoun “Me” and the pronoun “We” which means a group of like-minded people which also includes “Me”. Another peculiarity of the literature of travel is the assessment of the narrator / the teller which may be neutral, but also emotional, exaggerated, but mainly it is subjective as it originates from an egocentric narrator. Examples contained in the article also demonstrate such a peculiar compositional and speech feature of the “Travel notes” as a criss-cross usage of narration, description and lyrical argument of the speaking subject. With all these in mind, the main part among the above-mentioned principles of the text structure belongs to the compositional and speech form of “narration” which, in the geographical and inner personal perspective of the author, conveys the “history” of his travel. Such a compositional and speech form as “description” in its both varieties — the dynamic one (depiction of objects in their changes, movements and displacement relative each other) and the static one (depiction of objects in their qualitative condition, stability and changeless character at a certain interval of time) considerably influence the general assessment and the general meaning of the text, which are interwoven with the narration canvas. These functional and sense types of speech, in their turn are

often interrupted and / or discontinued by a certain judgement or argument of the author caused by his vision and observation of (a) definite object(s). Such argumentation may be considered as a speech signal of a switch-over from the narrative-descriptive function of the narrator to the communicative-pragmatic setting to interpretation / generalization of / comment on the depicted.

Keywords: Literature of travel; anthropocentrism; egocentrism; author; narrator; one in three persons; narration canvas; types of speech; assessment; subjectivity

Для цитирования:

Гончарова Е. А., Нюбина Л. М. Особенности ментально-речевых действий дискурсивной личности автора в немецкоязычных текстах «литературы путешествий» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 73—93.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-73-93.

To cite this Article:

Goncharova, Evgeniya A. & Nyubina, Larisa M. (2024) Osobennosti mental'no-rechevykh deystviy diskursivnoy lichnosti avtora v nemetskojazychnykh tekstakh "literaturny puteshestviy" (Peculiarities of Mental-speech Actions of the Author's Discursive Personality in German-language Texts of "Travel Literature"). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 73—93. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-73-93.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; принята к публикации 11.05.2024
The article was submitted 14.02.2024; accepted for publication 11.05.2024